

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382>
EDN: MRSBED

УДК 94(47).024:043(093.3)

ОТ СВЯТОСЛАВА I ДО ИВАНА IV:
ВЕХИ ОБРЕТЕНИЯ ЦАРСТВА В МИФОПОЭТИЧЕСКИХ
ОБРАЗАХ «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: Изучить этапы обретения православного царства в повествовании автора «Казанской истории».

Материалы исследования: историографические источники, русские летописи, исторические сочинения, дипломатические документы и т.д.

Результаты и научная новизна: Ранее исследователи уже обращались к проблеме изучения концепции обретения царства, представленной в «Казанской истории». Было установлено, что автор «Казанской истории» сопоставил взятие Казани 1552 г. с покорением Константинополя 1453 г. Через эту идейную параллель летописец пытался показать, что взятие Казани стало ключевой и завершающей вехой в борьбе Рюриковичей за обретение царства. Рассматривалась и история завоевания Казанского ханства и, связанная с ней идея освобождения Руси от татарского господства. Однако без внимания исследователей остался доордынский период борьбы за царские регалии и проблема его соотношения с идеей обретения царства через взятие Казани. В результате данного исследования было установлено, что концепт обретения царства имел и доордынский компонент, семантически связанный с завоеванием Казанского ханства через константинопольские сюжеты. Мифопоэтическое сопоставление Казани с Константинополем позволило летописцу сделать родоначальником борьбы за обретение царства князя Святослава Игоревича, добившегося больших успехов в противостоянии с греками. Победы Святослава I и Владимира I стали фундаментом для обретения царского венца Владимиром Мономахом. Утерянное в период татарского господства царское достоинство удалось вернуть Ивану IV. Описание взятия Казани как падения Царьграда позволило казанскому летописцу не только соотнести события 1552 г. с победами над византийцами первых Рюриковичей и первым обретением царских регалий, но и символически связать римскую и татарскую природу царской власти на Руси.

Ключевые слова: Святослав I, Иван IV, Казанская история, Древняя Русь, Византия, Константинополь, царство, Москва, Казань

© Аксанов А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Аксанов А.В. От Святослава I до Ивана IV: веки обретения царства в мифопоэтических образах «Казанской истории» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 375–382. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382>
EDN: MRSBED

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>

FROM SVYATOSLAV I TO IVAN IV: MILESTONES OF GAINING THE REIGN IN THE MYTHOPOEIC IMAGES OF THE “KAZAN HISTORY”

A.V. Aksanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
aksanov571@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study: To study the stages of the acquisitions of the Orthodox kingdom in the narrative of the author of the "Kazan History".

Research materials: Historiographical sources, Russian chronicles, historical writings, diplomatic documents, etc.

Results and scientific novelty: Previously, researchers have already addressed the problem of studying the concept of gaining the kingdom, presented in the "Kazan History". It was found that the author of the "Kazan History" compared the capture of Kazan in 1552 with the conquest of Constantinople in 1453. Through this ideological parallel, the chronicler tried to show that the capture of Kazan became a key and final milestone in the struggle of the Rurik Dynasty for the acquisition of the larger kingdom. The history of the conquest of the Kazan Khanate and the associated idea of the liberation of Russia from Tatar domination was also considered. However, the researchers ignored the pre-Horde period of the struggle for the royal regalia and the problem of its correlation with the idea of gaining the kingdom through the capture of Kazan. As a result of this study, it was found that the concept of gaining the kingdom also had a pre-Ordinal component semantically related to the conquest of the “Kazan Khanate through Constantinople” plots. The mythopoeic comparison of Kazan with Constantinople allowed the chronicler to make Prince Svyatoslav Igorevich, who achieved great victories over the Greeks, the founder of the struggle for the kingdom. The victories of Svyatoslav I and Vladimir I became the foundation for the acquisition of the royal crown by Vladimir Monomakh. Similarly, the activities of Ivan III and Vasily III led to the capture of Kazan and the new acquisition of the kingdom by Ivan IV.

Keywords: Svyatoslav I, Ivan IV, Kazan history, Ancient Russia, Byzantium, Constantinople, Moscow, Kazan

For citation: Aksanov A.V. From Svyatoslav I to Ivan IV: milestones of gaining rulership in the mythopoeic images of the “Kazan History”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 375–382. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.375-382> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>

Исследователи, изучавшие «Казанскую историю», обращали внимание на то, что данное произведение содержит множество нарративных сюжетов и образов, несущих более символическую иносказательную семантику, нежели конкретно-историческое содержание. Наиболее значительный источниковедческий вклад для выявления сложной парафразой системы повествования казанского летописца внес Г.З. Кунцевич, который проследил текстуальные параллели и заимствования [6]. Семантику ключевых мифопоэтических образов «Казанской истории» изучила М.Б. Плюханова, которая выявила в «Истории» множество парафразов из Библии и древнерусской литературы. Она пришла к выводу, что летописец в панораме истории московско-казанских отношений пытался показать овладение царственной силой и, вместе с тем, гибель царства [9, с. 202]. Чтобы наиболее убедительно представить идею «обретения» одного царства через гибель другого, книжник привлек сведения из самых авторитетных произведений своего времени, невзирая на то, что эти данные порой не согласовывались с известиями других источников.

Центральным и кульминационным сюжетом в повествовании «Казанской истории» стал рассказ об осаде и взятии Казани 1552 г. Сопоставление этого рассказа с данными русских летописей, разрядных книг, А.М. Курбского и других источников позволило исследователям говорить о недостоверности описания казанского летописца. Одни историки обратили внимание на неточность описания воеводских позиций при осаде Казани [6, с. 416–418], другие и вовсе указали на полное несоответствие историческим реалиям топонимики событий, представленной «Казанской историей» [16, с. 164]. Наиболее ярким выразителем результатов «рационального» подхода к изучению сведений казанского летописца был С.Х. Алишев. Согласно ему, слова летописца о себе, о том, что он 20 лет прожил в ханской Казани, недостоверны, так как летописец «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему» [1, с. 39].

Однако очевидно, что при описании осады и взятия Казани автор «Истории» не стремился описать события по принципу «как оно было на самом деле». Он осознанно пренебрёг данными о реальной обстановке и построил свое повествование на основе парафразов из «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году». Об этих заимствованиях писали ещё дореволюционные исследователи [8, с. 344–379; 6, с. 511–516], но определить их семантическую роль удалось только в свете недавних изысканий [9, с. 182].

Казанский летописец, описывая покорение ханской столицы, скомпоновал сведения из синхронных источников с данными «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» и провел параллель между двумя событиями. Так мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И эти рассуждения хорошо укладывались в идеологию Московского царства. В официальных летописях говорится о том, что Иван IV «царство и град многолюдной Казаньской въсприат» [10, с. 218; 11, с. 513; 13, с. 530; 14, с. 108, 203]. Более развернуто идея получения царского титула через завоевание Казани представлена в посольских книгах [15, с. 476, 499–500, 505, 519, 528].

Так, вопрос о признании Ивана IV царем возник в дипломатической переписке 1555–1556 гг. Польский король Сигизмунд I не желал «писать царем» Ивана IV, что стало камнем преткновения в мирных переговорах. Московские дипломаты пытались доказать правомерность царского титулования тем, что император Максимилиана I и султана Сулеймана Кануни называли Василий III и Ивана IV соответственно царями. Дополнительным аргументом в данном послании

выступало то, что «всемогущая превышняя сила Божья... на иных местех царских, на Казани и Азтрохани прославила его царем» [15, с. 476]. Но польско-литовская сторона ответила, что королю не известны записи, в которых Максимилиан I называл царем Василия III, и в посланиях к польско-литовскому государю Василий III «тым именем не писывался», да и сам Иван IV в начале своего правления «того имени в своих листех не писывал до нашего государя» [15, с. 482]. В следующем послании, от 1556 г. Иван IV, продолжая полемику о царском титуле, сместил акцент на казанские события. Он обратил внимание Сигизмунда I на то, что сам Господь даровал ему царский титул за избавление христиан от казанского пленения: «И всемогий Бог милосердие свое нам ученил, кровь христьянскую в Казани мусулманскому роду нашею рукою мьстиль, и многому христьянству от бесерменских рук нами свободу учинил... есмь з Божию волею извечное свое титло нашли, то на себя и положили» [15, с. 499].

Недвусмысленное дипломатическое обоснование получения царского титула через завоевание Казанского царства автор «Казанской истории» дополнил литературными параллелями с событиями 1453 г. Привнесение константинопольских черт в образ Казани усилило официальную идею обретения царства, но привело к существенному искажению реальной топонимики города. Автор «Казанской истории» намеренно отказался от описания важных городских объектов, фигурирующих в других источниках, поскольку это не позволяло усилить связь Казани с Константинополем. Он не стремился к описанию топографических особенностей ханской столицы, а выдвигал на первый план общие черты Казани с Константинополем. Например, Казань подобно второму Риму стоит на высоком месте и со всех сторон окружена водами. Казань находилась между двух рек, а Царьград – между двух морей [2, с. 28; 4, с. 419].

В то же время автор «Казанской истории» привносил в свое повествование явные искажения, призванные усилить параллелизм. Так, недоумение у историков вызывало противоречащее другим источникам описание городских ворот и дислокации царских войск во время осады 1552 года. Если сравнить этот фрагмент с известием «Повести о взятии Царьграда» о дислокации османских войск, то очевидно, что два отрывка не содержат одинаковых топонимов, но во многом совпадает структура описания. Русские войска, как и османские, были разделены на пять частей, каждая из которых брала на себя штурм определенного участка крепостных стен с воротами. Перед полком правой руки и передовым полком, как и перед силами карачабей и восточным крылом турок, находились стены с четырьмя воротами [4, с. 417; 2, с. 52-55].

«Константинопольские детали» в «Казанском взятии» выполняли еще одну важную сюжетную функцию. Они связывали первое обретение царства, произошедшее благодаря деятельности Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха, со вторым обретением царства, свершившимся при Иване IV. Описание похода Ивана IV 1552 г. автор «Казанской истории» предваряет рассказом о совещании царя с боярами.

По словам летописца, выступая перед боярами, Иван IV сказал, что хочет сам «двинутися на безбожную и поганую Казань, на презлыя и недруги своя Казанцы, мстити крови христьянския, яко Елизвои Ефиопский царь на Омирского князя Дунаса жидовина, ревнуя прадедомъ своимъ: великому князю Светославу Игоревичю, како той многожды Греческую землю плени, столь далече ему сущи отъ Руския земля растояниемъ, и дани великия со Царяграда ималь, со благородныхъ Грек, победившихъ Трою предивную и прегордаго царя Перскаго Скераска. Тои же великий князь Святославъ по Дунаю стоящихъ 80 градовъ Болгарскихъ вся» [12, стб. 99].

Сравнение Ивана IV с эфиопским царем Елезвоем кажется вполне логичным, поскольку последний был причислен к лику святых за борьбу против иудейского правителя Дунаана, угнетавшего христиан. Однако при обращении к прадедам Ивана IV летописец неожиданно начинает с имени Святослава Игоревича, который был язычником и воевал против христианских государств. Впрочем, как видно из текста, автор «Казанской истории» не упоминает о язычестве Святослава и не акцентирует внимание на том, что болгары и греки были христианами. В контексте его повествования важно было подчеркнуть, что Святослав покорил 80 болгарских городов, победил греков и, что самое главное, брал дань с Царьграда¹. Почему из сравнительно обширного корпуса известий о Святославе автор «Истории» выбрал именно эти сообщения? Симптоматично, что здесь умалчивается о победоносных походах князя на хазар и печенегов. То есть в данном случае необходимо было обратить внимание не столько на полководческие таланты и смелость Святослава, сколько на его успехи в греческой политике. Таким образом, уже на этом этапе повествования подчинение Царьграда становится краеугольным камнем исторического дискурса обретения царской власти Рюриковичами.

Вторым важным элементом царственной теории было утверждение христианства на Руси, поэтому, по словам летописца, Иван IV подражал и сыну Святослава, Владимиру. Вместе с крещением Руси из заслуг Владимира упоминается о покорении «великого града» Корсунь, что опять же акцентирует внимание читателя на греческом направлении.

Согласно «Истории», Иван IV хотел походить и на Владимира Мономаха, который воевал с греческим царем Константином Мономахом. Военные успехи Владимира Мономаха были настолько ошеломляющими, что царь для примирения с князем отправил в Киев «дары безценныя, самы свой царский венець, и багряницу, и скиферть, и сердаликову крабийцу, из нея же еще великии Августъ Римский кесарь на вечеряхъ своихъ пия и веселяшеса, и злата, и сребра, и бисера, и камени драгихъ безъ числа, и инехъ вещи драгихъ множество, утоляя гневъ его, и светлымъ царемъ Рускимъ называя его, да уже къ тому не двинется Греческия земля его пленити». В конце рассказа о Владимире Мономахе автор «Казанской истории» приводит слова самого Ивана IV: «И сея ради вины велики князь Владимиръ, прадед мой, царь Манамахъ наречеса, отъ него же и мы прияхомъ цари нарицатися, венца ради и порфиры и скиферта Костянтина царя Манамаха» [12, стб. 100-101].

История о том, что Владимир Всеволодович получил царский титул и атрибуты власти от императора Константина Мономаха заимствована автором «Казанской истории» из «Сказания о князьях владимирских». Первая редакция «Сказания» была составлена при Василии III (не позднее 1527 г.). В основе «Сказания» лежат две легенды о природе царской власти на Руси, впервые зафиксированные в «Послании» церковного публициста Спиридона-Саввы (1510-е гг.) [3, с. 283]. Первая легенда гласит о родстве римского императора Августа и князя Рюрика. Вторая легенда сообщает о передаче царских регалий Константином Мономахом. Казанский летописец не привел данные о родстве Августа и Рюрика, но почти полностью пересказал вторую легенду. Вместо первой легенды, появившейся лишь в начале XVI в., он привел вполне историчные известия об успешных походах Святослава Игоревича, почерпнутые из русских летописей. Обе легенды о получении царской власти в сокращенном виде использовались и в дипломатической переписке, однако в посольских делах, как и в «Сказании о князьях владимирских», после Августа и Рюрика упоминаются Владимир Святославович и Владимир Мо-

---

¹ Рассказ о завоевании 80 городов и дани с Царьграда Р.С. Липец отнесла к эпическим сюжетам, проникшим в летописание [7, с. 222].

номах и не упоминается Святослав Игоревич [15, с. 519]. Это указывает на то, что именно автор «Казанской истории» заменил основателей царского величия – Августа и Рюрика – на Святослава Игоревича, существенно подкорректировав тем самым официальный дискурс происхождения царской власти.

Итогом греческой политики Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха стало получение римских регалий и царского титула. Казанский летописец вложил в уста Ивана IV слова о том, что он принял царский титул и регалии от Владимира Мономаха. Казалось бы, все очевидно – Иван IV унаследовал царский титул от Владимира Мономаха. Но далее при описании деяний Иван III и Василий III не упоминается об их царском достоинстве. Царские традиции Рюриковичей были прерваны в эпоху татарского господства. В летописной традиции ханов Золотой Орды называли царями. Автор «Казанской истории» последовательно обосновал, что Казань была наследницей Золотой Орды. По словам летописца, когда Золотая Орда «нача изнемогати», ее «царская слава, и честь» перешла на «Казань, младую тщерь; ...от Златяя Орды, злая² ветвь произыде, Казань» [12, стб. 221]. Поэтому завоевание Казани символизировало не только обретение, но и возвращение царства.

Таким образом, исторические экскурсы в греческую политику Святослава I, Владимира I и Владимира Мономаха в контексте сравнения взятия Казани с Константинополем, позволили показать казанские события как борьбу за возвращение добытого предками и отобранного татарами царства. В тоже время данный дискурс «Казанской истории» является результатом рефлексии над дихотомией природы царской власти на Руси. Это был ответ на злободневные вопросы: почему завоевание Казанского юрта давало право Ивану IV на царский титул? Как соотносится римское по происхождению царское достоинство с властью татарских ханов? Во второй половине XVI вв. эти вопросы задавались русским дипломатам на Западе, то есть они были актуальны для русской политической элиты. «Казанская история» пользовалась большой популярностью в России вплоть до конца XVIII в., обнаружено более 300 ее списков³, следовательно, рассмотренный дискурс происхождения царской власти имел широкое распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. 75 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. 581 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XIV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. 566 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000. 618 с.
5. Дубровина Л.А. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. С. IV–XVI.
6. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.

---

² В некоторых списках «Казанской истории» вместо «злая» пишется «златая» [21, стб. 221].

³ Все сохранившиеся списки датируются XVII–XVIII вв., но протограф «Казанской истории» восходит к XVI в. [3, с. IV, XVI].

7. Липец Р.С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 217–257.
8. Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С. 344–379.
9. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
10. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
11. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
12. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
13. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
14. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
15. Сборник русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). СПб.: Типография Ф. Елионского и Ко, 1887. 629 с. + 98 стб. + V с.
16. Ситдииков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 160–206.

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. Historical sources and historiography of the city of Kazan. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2001. 75 p. (In Russian)
2. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 7: The second half of the 15th century. St. Petersburg: Nauka, 1999. 581 p. (In Russian)
3. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 9. The end of the 14th – the first half of the 16th century. St. Petersburg: Nauka, 2000. 566 p. (In Russian)
4. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 10: 16th century. St. Petersburg: Nauka, 2000. 618 p. (In Russian)
5. Dubrovina L.A. Preface to the edition of 2000. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19. History of the Kazan Kingdom (Kazan chronicler). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, pp. 4–16. (In Russian)
6. Kuntsevich G.Z. The story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler: The experience of historical and literary research. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1905. 682 p. (In Russian)
7. Lipets R.S. Reflection of the ethnocultural ties of Kievan Rus in the legends of Svyatoslav Igorevich (X century). *Ethnic history and folklore*. Moscow: Nauka, 1977, pp. 217–257. (In Russian)
8. Orlov A.S. On some features of the style of Great Russian historical fiction of the 16th–17th centuries. *Proceedings Department of Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 13. Book 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1908, pp. 344–379. (In Russian)
9. Plyukhanova M.B. Stories and symbols of the Moscow Kingdom. St. Petersburg: Akropolis, 1995. 336 p. (In Russian)
10. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13. Part 1. The Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1904. 302 p. (In Russian)

11. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13. Part 2. Supplement to the Nikon Chronicle. The so-called Royal Book. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. 532 p. (In Russian)

12. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 19. The history of the Kazan Kingdom. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 328 p. (In Russian)

13. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 20. Lviv chronicle. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005, pp. 4–704 (In Russian)

14. Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. The Alexander Nevsky Chronicle. Lebedevskaya Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 390 p. (In Russian)

15. Compilation of the Russian Historical Society. Vol. 59. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state. Vol. II. (1533–1560). St. Petersburg: Tipografiya F. Yelionskogo i Com 1887. 629 p. 98 stb. V p. (In Russian)

16. Sitdikov A.G. Some aspects of the topography of Khan's Kazan: *Kazan Khanate: actual research problems. Materials of the scientific seminar "Kazan Khanate: actual problems of research"*. Kazan: Fen, 2002, pp. 160–206. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow at the Center for Urban Studies, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 04.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024